

ДОМ = ЖИВОТНОЕ В ЛИТОВСКИХ ЗАГАДКАХ

М.В. Завьялова

По словам Т.М. Николаевой, задачей исследователя является не столько выявление неочевидных фактов, сколько попытка объяснить очевидное неочевидным образом. Попробуем это сделать на материале загадок. К очевидному в данном случае относится комплекс текстов, в которых человеческое жилище загадывается через животных. Подобных загадок немало в разных традициях. Чтобы не углубляться в перечисления и сравнения, остановимся на литовском материале, который автору статьи лучше известен.

Итак, литовские загадки, в которых дом или его части загадываются через животное или птицу (и части их тела), можно разделить на относящиеся к дому и к его частям, например:

Дом:

Meška tupi, viduriai kruta ‘Медведь сидит, внутренности шевелятся’ (LTR 4514 (21))

Labai dzidelis jautsis, tam jautsiui pilvi žmonies givana ‘Очень большой бык, у того быка в животе люди живут’ (LTR 459 465)

Višta tupi, žarnos kruta, vis uodegą kraipo (namas, žmonės ir durys) ‘Сидит курица, кишки шевелятся, все хвостом водит (дом, люди и дверь)’ (LTR 2458 (137-5))

Части дома:

Meškos kojos surakintos (sąspara) ‘Ноги медведя скрещены (угловое сопряжение балок)’ (LTR 421 (540-23))

Jautis tvarte, ragai lauke (balkis) ‘Бык в хлеву, рога на улице (балки)’ (LMD I 211 (38))

Mažas kumeliukas dienu naktį jojamas (slenkstis) ‘На маленькой лошадке день и ночь катаюся (порог)’ (LTR 1897 48 (7))

Stovi ant vištos kojos, o kai gula – jaučio vietą užima (durys) ‘Стоит на куриной ноге, а когда ложится – место быка занимает (дверь)’ (LTR 597 (9))

Marga kiaulė tvoroj inkimšta (lungas) ‘Пестрая свинья в забор всунута (окно)’ (LTR 37 (1678))

Avinas ant avino, tarp avinų taukai (sienos sienojai ir tarp jų samanos) ‘Баран на баране, между баранами жир (бревна стен и мох между ними)’ (LTR 37 (280)).

Интересно распределение животных в связи с домом и его частями: если весь дом репрезентируют чаще такие крупные животные, как медведь (чаще всего), бык, свинья, но и в отдельных случаях более мелкие: заяц, курица, обезьяна и даже рыба; то через образ лошади чаще загадывается порог, бычьи или козлиные рога соответствуют балкам дома, телячьи глаза – сучки в бревнах стен, собаки и кошки часто символизируют окна. Если представить пространство дома в виде схемы, получится такая картина (животные представлены в порядке убывания их частоты встречаемости в загадках):

Как видно из этой схемы, наиболее частым аналогом всего дома является медведь. Медвежьи внутренности символизируют внутреннее пространство дома, медвежьи когти и ноги соответствуют бревнам дома, шкура медведя – двери, ручка двери – медвежий пупок, его бока – окна, ср.: *Meška top, vėdore krot, kas būs bovės čiopt už bombas (truoba, žmuonės vaiščiuo, jem už durų ronkėnas)* ‘Медведь сидит, внутри шевелится, кто был, хватает за пупок (изба, люди ходят, берутся за ручку двери)’ (LTR 4165 (220-3))
Meškos nagas duonos prašo (sąsparos) ‘Медвежий коготь хлеба просит (угловые соединения бревен)’ (LTR 1001 (441-2))
Meškas skura terpu šakų pakarta (dūrys) ‘Медвежья шкура между суков повешена (дверь)’ (LTR 1951 (71-73))
Augulis ant augulio lokys guli (stogas) ‘Росток на ростке медведь лежит (крыша)’ (LTR 2198 (189))

Meška lopiniuota (pirkios langai) ‘Медведь в заплатках (окна избы)’.

Менее детализован, но также довольно красочен образ дома=быка, ср.:

Pilna gryčia veršiakių (senoju šakos, gryčios sienose iš vidaus) ‘Полна изба телячьих глаз (сучки бревен в стенах избы изнутри)’ (LMD I 703 (26))

Stovi jautis su išpjautais šonais, per nugarą dūmai ruksta (namai) ‘Стоит бык с вырезанными боками, через спину дым идет (дом)’ (LTR 37 (2498))

Rausvas jautsis palubiej priristas (balkis) ‘Рыжий бык под потолком привязан (балка)’ (LTR 459 377)

Teliukas ant pirties, jam pilvas išvirtęs (stogas) ‘Теленок на бане, у него живот вывернут (крыша)’ (LTR 618 (3-13)).

Намного реже общее пространство дома загадывается через образ лошади (коня), чаще ему соответствует порог, но также окна, стены и крыша, ср.:

Šilinė kumelė balinį šieną ėda (trobos sienojus ir samanose) ‘Боровая кобыла болотное сено ест (бревна и мох)’ (LTR 4009 (283))

Žirgas stainioj, žirgo ausys lauke (balkis) ‘Конь в стойле, его уши на улице (балка)’ (LTR 190 (846))

Medžio arkliukas dieną naktį jojamas (slenkstis) ‘На деревянном коне день и ночь катаются (порог)’ (LTR 337 (903))

Ant vieno žirgo daug raitelių joja (stogas su giveliais) ‘На одном коне много наездников едут (крыша с животными?)’ (LTR 823 161-9)

Kumelės šonas užlopytas (langas) ‘Бок кобылы с заплатками (окно)’.

Можно сказать, что на этом своеобразие животных заканчивается, остальные животные повторяют некоторые функции перечисленных, дублируя тексты, например:

Козел и баран изофункциональны быку в соответствии бревнам дома, ср.:

Ožys tvarte ragai lauke (sienojus) ‘Козел в хлеву, рога на улице (бревна)’ (LTR 1039 (1148))

Avinas tvarte ragai lauke (balkis) ‘Баран в хлеву, рога на улице (балки)’ (LMD I 879 (56));

Свинья, заяц, курица и обезьяна изофункциональны медведю и быку в изображении всего пространства дома (при этом свиной жир соответствует двери):

Stovi kiaulė jos žarnos kruta (troba) ‘Стоит свинья, ее кишки шевелятся (изба)’ (LTR 465 (35-197))

Kiaulė guli, o jos lašiniai vaikščioja (slenkstis ir durys) ‘Свинья лежит, а ее жир гуляет (порог и дверь)’ (LTR 1510 (101-42))

Kiškis tup grobai krut (truoba ir žmonės) ‘Заяц сидит, кишки двигаются (изба и люди)’ (LTR 1058 (4¹⁹))

Beždžionė sėd, viduriai kuš (butas) ‘Обезьяна сидит, внутренности шевелятся (квартира)’ (LMD I 873 (29));

Собака изофункциональна лошади в изображении порога:

Mažas šunelis dieną naktį jojamas (slenkstis) ‘На маленькой собачке день и ночь катаются (порог)’ (LTR 451 (345-16)).

Отличительной особенностью некрупных животных является то, что через их образ чаще загадываются окна (в то время как в случае с крупными животными окна символизируют их бока):

Balta višta tvoron įkišta (langas) ‘Белая курица в забор засунута (окно)’

Marga kiaulė tvoroj inkimšta (lungas) ‘Пестрая свинья в забор засунута (окно)’ (LTR 37 (1678))

Balta kalaitė juodoj tvoroj įstrigus (langas pirkioje) ‘Белая сука в черном заборе застряла (окно)’ (LTR 1189 (330-105))

Ant sienų margos kates laipioje (langai) ‘По стенам пестрые кошки лазят (окна)’ (LTR 3477 (431)).

Чтобы не углубляться в анализ аналогий подобных загадок, существующих в разных других традициях, ограничимся приведением параллелей только из наиболее близких литовской традиций – латышской и русской.

В латышской традиции функциональное распределение персонажей аналогично литовской. Ср.:

Пространство дома = медведь: *Lācis tup, zarnas kust* ‘Медведь сидит, кишки шевелятся’ (LTM, Nr. 1934.a);

Крыша (стропила) = бык, баран: *Vērsis kūtī, ragi ārā (jumts spāres)* ‘Бык в хлеву, рога на улице’ (LTM, Nr. 1395.b); *Auns kūtī, ragi aiz durvim* ‘Баран в хлеву, рога за дверью’ (LTM, Nr. 1395.a);

Порог = лошадь, собака: *Koka zirdziņš dien’ un nakti jājams* ‘На деревянном коне день и ночь катаются’ (LTM, Nr. 2964.b); *Mazs mazs kuceniņš visiem kāju ostītājs* ‘Маленькая, маленькая собачка всем ноги нюхает’ (LTM, Nr. 2969);

Окно = лошадь: *Seši sirmi kumeliņi, katrs savā steliņģī*
'Шесть сивых лошадей, каждый в своем загоне' (LTM, Nr. 1845).

В русских загадках мы видим несколько иную картину: пространство дома целиком загадывается через образ животного реже, чаще в текстах фигурируют части животного (сук в бревне = глаз; матица = рога) или части дома в образе животного:

Дом:

Стоит бычище, проклеваны бочища (изба) (Садовников 1901, № 17)

Курица на курице, а хохол на улице (изба) (Садовников 1901, № 16)

Части дома:

Бычачьи глаза в стене (сучок) (Садовников 1901, № 36б)

Медвежий глаз в избе (сучок) (Садовников 1901, № 36г)

Бык в хлеве, рога в стене (сучок) (Садовников 1901, № 37)

Медведица встряхнется – все люди оглянутся (дверь)
(Садовников 1901, № 81а)

Корова в избе, рога в стене (матица) (Садовников 1901, № 47)

Лежит коза в избе, а рога – во дворе (матица)
(Садовников 1901, № 46)

Две овечки в печку глядят (притолоки) (Садовников 1901, № 89)

Против вас, против нас поросенок увяз (мох) (Садовников 1901, № 25)

Интересно, что через образ собаки загадывается не порог (как в литовских и латышских загадках), а замок (ср. русское название замка – собачка). Лошадь же символизирует бревна:

Черненька собачка свернувшись лежит; не лает, не кусает, а в дом не пускает (замок) (Садовников 1901, № 99)

На поле на Романове стоят кони отобранные, пьют воду дождевую, едят траву болотную (бревна и мох)
(Садовников 1901, № 23).

Надо подчеркнуть, что о распространенности метафоры здание=животное свидетельствуют не только фольклорные тексты, но и художественная литература. Ср., например, из русской литературы:

Здания – хищные звери / С сотней ненасытных утроб!
(Брюсов)

*Избы ... Ощетинились их спины, / Как сухая шерсть. /
День и ночь струят равнины / В них сухую персть. /
Огоньками злых поверий / Там глядят в простор, / Как
растрепанные звери / Пав на лыс-бугор. (Белый)*

*Под самой Сухаревой башней <...> дородной как <...>
привязанная к чахлому деревцу холмогорская корова.
(Мандельштам)*

*Солнце избу взнуздало – / Бревенчатого жеребца ... И
когда огневой возница / Взнуздывает избу, /
Каргопольским говором Ницца / Провещает Руси судьбу.
(Клюев)*

*Собакой на Сене чернеют дворцы / на желтизне на
осенней (Маяковский)*

*Избы стояли нахохлившись, как куры в непогоду (Бунин)
Далеко за берегом, на темном бугре, как испуганные
молодые куропатки, жались друг к другу избы деревни, в
которой жил мой Савка. (Чехов)*

*Эти зеленые крыши, как овцы, / Тычутся мордой друг в
друга и дремлют. (Хлебников)*

(цит. по: Павлович, 2, 527-538).

Как видно по этим примерам, в них в основном
фигурируют те же животные, что и в загадках: лошади,
собаки, куры, овцы, коровы. Однако встречаются и более
экзотические варианты:

*Серым верблюдом стала изба. / Стекла – как очи
тифозного сфинкса. (Саша Черный)*

*Лишь изредка косятся на дом, который / годами и
бревнами в жабу раздуло (Нарбут)*

*И как стерляди – острогорбы и зубчатые крытые тесом
дома (Вс. Иванов)*

Спят крыши, как чешуйчатые карпы (Б. Поплавский)

*... крыши сизые галькой брезжут, / точно в воду
погружены, / как у крабов на побережье, / у соборов
горят клешни (Вознесенский)*

*На площадь выбежав, свободен / Стал колоннады
полукруг, - / И распластался храм Господень, / Как
легкий крестовик-паук (Мандельштам)*

(цит. по: Павлович, 2, 528-551).

Подобные примеры позволяют судить о продуктивности
этой метафоры. В этом нет ничего удивительного,
учитывая универсальность представлений о доме как о
теле, организме (см., например: Иванов 2011; Цивьян 1978,
2000; Байбурин 1983 и др.). К сожалению, на обзоре этих

работ в данной статье нет возможности подробно останавливаться, поэтому ограничимся упоминанием того факта, что семиотика дома и его пространства как организма достаточно хорошо исследована. В таком случае тело животного можно считать частным случаем представления дома в виде тела человека. Это сближение особенно явно при представлении внутреннего пространства дома как живота (кишечника) крупных животных, суков как глаз и бревен как ног. Однако в случае отождествления частей дома с самими животными (окна, двери, порог как лошади/собаки/кошки/куры и т.д.), видимо, следует искать другие аналогии.

Что же может быть неочевидного в этом очевидном сравнении? Прежде всего об очевидном: в основе метафоры, несомненно, лежит прежде всего внешнее сходство, которое, возможно, нам подсказывает генетическая память о том, что первые жилища человека строились из шкур и костей животных. Так, одно из старейших построенных жилищ в мире, которое датируется приблизительно 10-м тысячелетием до н. э., было сделано из костей мамонта и покрыто шкурами мамонта; находка была сделана в селе Межирич, недалеко от Киева (Межиричская стоянка). Наиболее интересные археологические находки древнейших жилищ относятся к раннему палеолиту. Например, в пещере Ле Лазаре (Франция) были обнаружены остатки убежища, реконструкция которого предполагает наличие крыши из шкур, а также постелей из шкур животных (лисы, волчи, рысь). Эти находки датируются временем около 150 тыс. лет. По данным археологии, в специально изготовленных из мамонтовых костей жилищах жили также мустьерские неандертальцы (Курс: История древнего мира). Даже в наше время многие национальные жилища (народов Крайнего Севера, Африки и Австралии) покрываются шкурами. Как реликты этих обычаев можно вспомнить популярное до сих пор стремление многих украсить пол и стены своего дома декоративными шкурами животных (нередко с подчеркнута выделенными частями тела: головой и лапами).

Неочевидным объяснением, на наш взгляд, могут служить аллюзии к строительным жертвам,

распространенным у разных народов¹. По данным Д.К. Зеленина, в жертву при строительстве дома приносили самых разнообразных животных: кошек, собак, зайцев, ягнят, овец, коз, жеребят, быков, свиней, петухов, куриц, лягушек, змей. При этом верили, что дух соответствующего животного живет в построенном здании. Славяне чаще всего использовали в качестве строительной жертвы петуха или конский череп: «Поляки при закладке дома убивали петуха и закапывали его под углом дома; местами этот петух был обязательно черный. В других местах поляки же перед вселением в новый дом убивали курицу и носили ее по всем комнатам дома; если этого не сделать, то кто-либо в новом доме скоро умрет. <...> У болгар был обычай замуровывать в строящееся здание ягненок или петуха. Сербы в Славонии под основание дома иногда закапывали живого петуха или летучую мышь. <...> Западные украинцы под фундамент или под печь новой хаты зарывали конский или скотский череп, “чтобы несчастья и болезни падали на этот череп, а не на обитателей дома”. Русские крестьяне в районе Обояни прежде верили, что всякий дом должен быть выстроен на чью-либо голову из живущих в нем, и потому, чтобы предотвратить несчастье, при переходе в него отрубают на пороге избы голову у курицы, которую после в пищу не употребляют. Иные же, для предотвращения мнимого несчастья, при закладке домов закапывали куриную голову под главным углом. Белорусы в районе Лепеля и Борисова некогда, при закладке нового дома, отрубали голову петуху, которую и зарывали тут же в землю или просто клали под угловой камень; петуха съедали. Иногда этот же обряд совершался при закладке печи — чтобы “куры плодились”» (Зеленин 2004, 165-168).

Как видно из приведенного описания, сутью строительной жертвы было принести дар духу дома (олицетворенного божеством) для обеспечения его устойчивости и длительности существования. Обычай закапывать при строительстве дома животное живым, вероятно, связан с представлением о том, что душа этого

---

¹ На возможность соотнесения загадок о доме-животном со строительной жертвой указал в своей монографии Байбурин (Байбурин 1983, 63).

животного продолжает жить в постройке, являясь ее охранителем и превращаясь в дух жилища.

Многие исследователи считают жертвоприношение животных заместительным жертвоприношению человека, практиковавшемуся ранее. Поддерживая эту точку зрения, Д.К. Зеленин ссылается на древнехристианский номоканон, который рекомендовал христианам класть в основание домов не человеческое тело, а кабана, или быка, или козла. Однако Юл. Липперт считает, что в одних случаях строительной жертвы животные служат лишь символическими заместителями человека; в других, более многочисленных случаях они могли фигурировать и первоначально (Зеленин 2004, 164).

В связи с этим интересными представляются данные древнеиндийских брахманических текстов, в которых в перечне жертвенных животных упоминается также человек: человек – конь – бык – баран – козел; подобным образом и в римском ритуале: человек – конь – бык (Гамкрелидзе, Иванов 1984, 470). Небезынтересна также последовательность ритуальных животных при освящении нового жилья у белорусов: ночевка в доме должна происходить в порядке: курица – гусь или кошка – поросенок – овца – корова – лошадь – человек (Zelenin 1927, 288). Сравнивая этот порядок с приведенным выше, авторы отмечают: «Обращает на себя внимание обратный рассмотренному выше порядок от менее важных животных по мере возрастания значимости, кончая человеком. Иерархически это то же самое, что и обратное расположение животных в порядке убывания их ритуальной значимости, как в приводимых выше хеттских, древнеиндийских и итальянских текстах» (Гамкрелидзе, Иванов 1984, 470-471, сн. 1). Характерно, что в этих контекстах «человек и определенные домашние животные создают единую группу, которая действует единообразно или в отношении которой предпринимается определенное действие» (Там же). Таким образом, человек служит всего лишь одним из звеньев (хоть и главным) единой цепи ритуальных жертвоприношений.

В любом случае важным представляется стремление воссоздать микрокосм (в данном случае – дом) из частей тела жертвы (в данном случае – животного). Здесь можно вспомнить древнеиндийскую Ашвамедху, с которой связывалось сотворение мира из частей коня (МНМ 1, 143).

В индоевропейской традиции конь был отмечен особой ритуальной близостью с человеком, вплоть до отождествления с ним (см. выше приведенную последовательность ритуальных животных, в которой конь следует сразу за человеком). Во время ритуала Ашвамедха «после принесения в жертву коня главная царица соединяется символически в ритуальном браке с убитым конем» (Гамкрелидзе, Иванов 1984, 482). Подобный ритуал «брака» с убитым конем зафиксирован и в кельтской традиции. По хеттским законам, конь в определенном смысле приравнивался к рабыням-военнопленным: если мужчина совершит грех с конем, как и с рабыней, наказания быть не должно (в отличие от случаев, если это произойдет в отношении свиньи или собаки – тогда виновный карается смертью) (Там же). Ритуальная близость коня и человека символизируется и галльскими изображениями коней с человеческими головами (Там же, 552). В Ригведе конь выступает как одно из основных священных животных, на колесницах, запряженных конями, передвигаются божественные близнецы Ашвины (Гамкрелидзе, Иванов 1984, 548). В Ригведу наряду с гимнами богам включено несколько гимнов «обожествляемым коням», называемым поименно (Там же, 549). Особый «конский бог» был известен и балтам. Два божественных близнеца, называемых в балтийских языках, как и в греческом, сыновьями бога (лит. *Dievo sūneliai*), постоянно связываются с двумя конями, которые часто изображаются на крышах домов (Там же, 555). Интересно, что у славян зафиксированы данные о том, что именно принесение в жертву коня в качестве строительного обряда сопровождалось водружением на крышу нового дома изображений двух коней – «коньков» (Там же, 556).

Этот факт особенно важен в связи с рассматриваемыми загадками: «коньки» на крышах домов, венчающие собой жилое пространство дома, позволяют представить дом телом коня, а крышу – его головой. Интересно и то, что в декоре крыши использовались и так называемые «курицы» (кокоры) – своеобразные крюки, служившие для удержания теса на скате. «Любопытно, что в народных представлениях коньки и курицы объединялись в качестве совершенно необходимых (и не только в конструктивном плане) элементов жилища, ср.: “Курица и конь на крыше –

в избе тише”» (Байбурин 1983, 90). Напомним, что именно курица (петух) и конь являются наиболее частыми строительными жертвами у славян.

В связи с этим немаловажно и то, что в литовских загадках через коня (лошадь) часто загадывается порог: точка, отделяющая внешнее пространство от внутреннего и потому обладающая отмеченной семантикой. Аналогичным образом мы видим в качестве олицетворения порога других животных, которые чаще всего используются при жертвоприношении (курица, собака, кошка). Возможно, именно отголосок строительной жертвы отразился в литовской загадке:

Mažas gaidelis po žeme gieda (slenkstis) ‘Маленький петушок под землей поет (порог)’.

Интересен тот факт, что все вышеперечисленные животные, выступающие в обрядах в качестве строительной жертвы, выступают и в загадках о доме (с явным перевесом коня и быка, что соответствует и их ритуальной важности в обрядах индоевропейцев). Исключение представляет собой медведь, который в литовских загадках фигурирует в качестве обозначения всего дома чаще всего. Важно подчеркнуть, что медведь – единственное из всех упоминающихся в описываемых загадках дикое животное, не относящееся к миру человека.

Что же позволяет поставить медведя в один ряд с домашними животными и даже сделать главным в отождествлении с человеческим жилищем? Следует прежде всего отметить, что медведь – один из основных персонажей народной зоологии, наделяемый антропоморфными чертами. И в славянской, и в литовской народной традиции немало этиологических легенд, в которых происхождение медведя связано с человеком, обращенном Богом в зверя в наказание за провинности. Ср. также многочисленные сказки о сожительстве медведя и человека, вследствие чего появляется на свет получеловек-полумедведь, наделенный особой силой. Особая близость медведя и человека объяснялась особенностями его поведения и внешнего вида: по поверьям славян, у медведя человечесьи глаза, ступни и пальцы; он умеет ходить на двух ногах и любит плясать под музыку, умывается и совокупляется как люди, кормит грудью, нянчит и любит своих детей, молится, радуется и горюет как человек, понимает человеческую речь и сам

иногда говорит, постится весь Рождественский пост – сосет лапу (СД 3, 212). Медведь являлся символом богатства, достатка в доме. В Литве существовал обычай обводить медведя вокруг дома, чтобы в нем было благополучие, в новую избу вводили медведя, говорили: «новую избу раньше освящали медведи». О медведе как гаранте благополучия свидетельствует поговорка: *Ramiai gyvena, kaip meškos ausyje* ‘Живет спокойно, как в ухе у медведя’ (Vėlius 1987, 104). Славяне считали, что медведь способен устрашать нечистую силу и отвращать порчу, он чует ведьму в доме. С помощью медведя снимали порчу с дома и с хлева. Медведь известен и в качестве охранителя скота. На Украине верили, что «свой» домовый, заботящийся о скотине, может иметь облик медведя. (СД 3, 211-214).

В древнегерманской традиции медведь входил в число священных зверей, образующих связующее звено между человеком и богом (Гамкрелидзе, Иванов 1984, 488). Медведь относился к «животным богов» и в древнехеттской традиции (Там же, 486). Возможно, эти представления нашли отражение и в литовском и славянском фольклоре, в которых существует немало легенд, сближающих медведя с Богом и священником, ср. русское и белорусское название медведя «лесной архимандрит» (СД 3, 211), по поверьям карпатских украинцев, медведь произошел от попа (Гура 1997, 159). Наконец, существуют представления и о самих божествах в облике медведя. В литовской мифологии мать-прародительница богиня Лайме, от которой зависела долгая и счастливая жизнь, часто изображалась в виде медведицы (Gimbutienė 1985, 155). Наряду с этим существовало божество леса – богиня Медейне, хозяйка леса, также имеющая облик медведицы (Dundulienė 1990, 115). По данным М. Гимбутене, медведица, как символ материнства, хорошо известна по скульптурам 5 тысячелетия до н. э. «В фольклоре сохранилось много информации о когда-то жившей медведице-прародительнице и медведице-матери, дающей новую жизнь» (Gimbutienė 1996, 179). Следует отметить, что именно в Литве культ медведя отличался особой популярностью (здесь можно вспомнить рассказ П. Мериме «Локис»). Возможно, поэтому именно в литовской традиции мы встречаем такое обилие загадок о доме-медведе. Медведица считалась прародительницей Жемайтии, на

гербе Жемайтии, который появился в XV в., изображена черная медведица, стоящая на задних лапах².

О божественной (высшей) сущности медведя свидетельствуют и мифы, переносящие его в небесную сферу: ср., например, миф о спутнице Артемиды нимфе Каллисто, которая была обращена Артемидой (по другой версии – Зевсом) в медведицу, после чего Зевс перенес ее на небо виде созвездия Большой Медведицы (МНМ 2, 129). Возможно, реликтами этих представлений являются отраженные в фольклоре (и, в частности, в загадках) сближения медведя с небесной сферой: ср. загадку: *Vidury dvaro meška kabo* (LTR 5304(236)) ‘Посреди двора медведь висит’ = солнце или луна. В славянской традиции медведь сравнивается, как правило, с луной, ср.: луна – «медвежье солнышко» (Иванов, Топоров 1965, 164), загадка: *Девка коровку доит, а медведь в подворотню глядит* = месяц (Садовников 1901, № 1833).

В связи с этим можно вспомнить мотивацию этимологии имени медведя в индоевропейских языках, отсылающую к семантике шерсти (см. Топоров 1986, 220), что в свою очередь, восходит к комплексу понятий, связанных с и.-е. **uel-*, в числе которых и производное *hulaleššar* ‘оболочка, горизонт, окоем’ (Иванов, Топоров 1974, 52). Таким образом, семантика шерсти, являющаяся главным компонентом значения ‘медведь’, может иметь отношение и к глобальному вместилищу всего живого – некоторой оболочке, внутри которой зарождается жизнь. Это может проявляться как в качестве утробы роженицы, так и применительно ко всему мирозданию. Сюда же, вероятно, можно отнести и семантику дома как вместилища живого, жилого пространства человека, соотносимого с мирозданием, ср. отождествление тела медведя с крышей (верхом дома) в литовской загадке: *Augulis ant augulio, augulis ant augulio, o unt tų augulių taška guli* ‘Росток на ростке, росток на ростке, а на тех ростках медведь лежит (дом)’ (LMD I 733 (40)).

Примечательно, что в подобных загадках медведю часто изофункционален бык, что может быть связано как с высокой ритуальной значимостью быка, так и с подобным медведю мифологическим содержанием этого образа.

---

² Более подробно этот феномен рассматривается в статье Завьялова 2005.

В традициях многих народов бык – особо почитаемое, «чистое» животное (ср. высокое положение быка в приведенной иерархии жертвенных животных), по болгарским представлениям, бык недостижим для нечистой силы. Известна его роль и как обеспечивающего благополучие в доме, достаток, урожай. У южных славян был распространен обряд с волом-полазником на Рождество и Новый год. «Волу натыкали на правый рог калач с дыркой посередине и вводили его с ним в дом. Там калач снимали и разламывали на три части: одну давали волу-«дешняку», вторую – его напарнику, а третью клали в зерно, оставляемое для сева. В западной Боснии вола-полазника покрывали в доме одеялом или ковром, посыпали зерном, угощали сакральным пирогом и пшеницей». Этот обряд должен был обеспечить плодородие на следующий год (СД 1, 410). По славянским поверьям, «особой целительной и защитной силой обладают говяжьих испражнения. Болгары смешивали их со скорлупками от первого пасхального яйца, которым «причащалось» все семейство, и прилепляли ее, как лепешку, над хлебом, а иногда и над входной дверью в дом и в хозяйственные помещения» (СД 1, 503-504).

Многие народные поверья соотносят быка с небесной сферой. Ср. в связи с этим представления славян о вредоносных говьядах-тучах: «Говьяда-тучи – небесный скот. Такие представления лучше всего сохранились у сербов, но их рудименты обнаруживаются почти во всем славянском мире» (СД 1, 504). Первая туча перламутрового отлива, предвещающая грозу и град, в Вологодском крае называется *бык* (СД 1, 273). Эти воззрения отразились и в литовских загадках: ср.: *juodas jautis dangų laižo – debesis* 'черный бык небо лижет – облако' (LT V, 457, Nr. 5439); ср. *balta karvė langus laižo – aušra* 'белая корова окна лижет – заря' (LT V, 452, Nr. 5381). Месяц появляется в образе пастуха, пасущего небесное стадо (облака или звезды), в малоросской загадке: «*ихав чумак, тай став, бо волив потеряв* – месяц, закрытый тучами» (Афанасьев 1996, 159). Вспомним аналогичные загадки о месяце в образе медведя. Бык особым образом связан с луной: «болгарское предание приписывает ведьмам доение луны, которая обращается в корову; из этого молока они готовят чародейное масло; когда ведьмы отнимают у луны все молоко, весь свет (задаивают ее), тогда бывает лунное затмение» (Афанасьев

1996, 192). Возможно, в этих поверьях находят отражения древнейшие представления о быке как о лунном божестве, распространенные в Древнем Двуречье, в Средней Азии 3-2 тыс. до н.э., в древнеиранской и древнеиндийской традициях (МНМ 1, 203).

Однако наиболее часто в литовской и славянской традицией бык связан с громом и громовержцем, ср. литовскую загадку: *senas jautis baubia – debesys ir griauštinis* ‘старый бык ревет – тучи и гром’ (LT V, 457, Nr. 5444); *eina jautis baubdamas, dangų ragais reždamas – griauštinis ir žaibas* ‘идет бык ревя, небо рогами режет – гром и молния’ (LT V, 465, Nr. 5526). По славянским народным верованиям, вол-«облакопрогонник» обладал сверхъестественной силой. Такие волы во время грозы начинают рыкать, бить передними копытами и смотреть на тучи; затем они могут вылезти из ярма и исчезнуть в тучах, чтобы биться со змеями и злыми небесными силами (СД 1, 410). По данным Прокопия Кесарийского (VI в.), славяне приносили в жертву быка верховному богу-громовержцу (СД 1, 274). Отождествление быка с богом-громовержцем известно и другим традициям: ср. греческие мифы о Зевсе, превращающемся в быка; римляне также приносили в жертву Юпитеру быка (МНМ 1,203). Еще в Ригведе «быками» постоянно называются боги грома и грозы Индра и Парджанья (Гамкрелидзе, Иванов 2, 576).

Таким образом, мифологические представления и о медведе, и о быке переносят их в небесную сферу, позволяют считать их воплощением космологического начала. Здесь также стоит отметить южнославянские представления о быке как о космофоре, опоре земли. «В Сербии полагали, что земля держится на четырех быках... <...> Подобные верования известны алтайским, мусульманским, древнеиндийской традициям» (СД 1, 272). Данные о небесной корове как прародительнице известны древнейшим мифологическим традициям: ср. египетский миф, в котором «солнечный бог Ра поднимается из океана на небесной корове..., которая встала из воды (где ее двойником была “великая корова в воде” Метуэр, известная уже в 3-м тыс. до н.э.) и превратилась в небо». Также «небесной коровой, родившей солнце, считалась Хатор, нередко выступающая в функции богини плодородия» (МНМ 2, 5).

Таким образом, бык, как и медведь, может быть метафорой внешней оболочки всего мироздания и дома как микрокосма человека³ (в свою очередь соотносимого с утробой, ср. загадки о доме как о чреве).

Обобщая все выше сказанное, можно сделать вывод, что загадки о доме=животном, вероятно, имеют как очевидное объяснение: сохранившиеся в генетической памяти сведения о строительном материале домов наших предков (шкурах и костях крупных животных), так не вполне очевидное: ритуальные характеристики животных, выступавших в роли строительной жертвы (при явно выраженной иерархии этих животных: от коня и быка как более значимых к курице и зайцу как второстепенным, что отражается и в частоте их упоминания в загадках). Немаловажным является и мифологический, космогонический контекст некоторых животных (прежде всего медведя и быка), соотносимых с небесным пространством как «домом» всего живого.

Литература

- Афанасьев 1996 – А.Н. Афанасьев. Происхождение мифа. Статьи по фольклору, этнографии и мифологии. М., 1996.
- Байбурин 1983 – А.К. Байбурин. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Ленинград, 1983.
- Гамкрелидзе, Иванов 1984 – Т.В. Гамкрелидзе, Вяч.Вс. Иванов. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ протоязыка и протокультуры. Тбилиси, 1984.
- Гура 1997 – А.В. Гура. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.
- Завьялова 2005 – М.В. Завьялова. Фольклорные и мифологические реминисценции в новелле Проспера Мериме «Локис» // Язык. Личность. Текст. Сборник статей к 70-летию Т.М. Николаевой. М., 2005.
- Зеленин 2004 – Д.К. Зеленин. Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1934-1954. М., 2004.
- Иванов 2011 – Вяч.Вс. Иванов. Дом как организм // Традиционная культура. № 2(42), 2011.

---

³ О том, что мир и дом могут быть взаимообратимы и между ними нет принципиального противопоставления в семиотическом плане см. Цивьян 1997, 49.

Иванов, Топоров 1965 – Вяч.Вс. Иванов, В.Н. Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы (Древний период). М., 1965.

Иванов, Топоров 1974 – Вяч.Вс. Иванов, В.Н. Топоров. Исследования в области славянских древностей. М., 1974.

Курс: История древнего мира –
<http://www.madrace.ru/istoriya-drevnego-mira/>

Межиричская стоянка –
http://www.doroga.ua/poi/Cherkasskaya/Mezhirich/Mezhirichskaya_stoyanka/1596

МНМ – Мифы народов мира: Энциклопедия. В 2-х т. М., 1997.

Павлович 2007 – Н.В. Павлович. Словарь поэтических образов. На материале русской художественной литературы XVIII-XX веков. В 2-х т. М., 2007.

Садовников 1901 – Д. Садовников. Загадки русского народа. СПб., 1901.

СД – Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 томах / Под ред. Н.И. Толстого. Т. 1-4, М., 1995-2009.

Топоров 1986 – В.Н. Топоров. Кельтиберская надпись из Боторриты в свете балто-славянского сравнения // Балто-славянские исследования. 1984. М., 1986.

Цивьян 1978 – Т.В. Цивьян. «Дом» в фольклорной модели мира (на материале балканских загадок) // Труды по знаковым системам 10. Тарту, 1978

Цивьян 1997 – Т.В. Цивьян. Интерьер Космоса в интерьере дома // Натура и культура. Славянский мир. М., 1997.

Цивьян 2000 – Т.В. Цивьян. Архетипический образ дома в народном сознании // Живая старина. 2000. № 2 (26).

Dundulienė 1990 – P. Dundulienė. Senovės lietuvių mitologija ir religija. Vilnius, 1990.

Gimbutienė 1985 – M. Gimbutienė. Baltai priešistoriniais laikais. Vilnius, 1985

Gimbutienė 1996 – M. Gimbutienė. Senoji Europa. Vilnius, 1996.

LMD – Lietuvių mokslo draugijos rankraštynas (Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas).

LT V – Lietuvių tautosaka, t. V: Smulkioji tautosaka, žaidimai ir šokiai / Medžiagą paruošė K. Grigas. Vilnius, 1968.

LTM – Latviešu tautas mīklas. Izlase / Sastādījusi A. Ancelāne. Rīgā, 1954.

LTR – Lietuvių tautosakos rankraštynas (Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas).

Vėlius 1987 – N. Vėlius. Chtoniškas lietuvių mitologijos pasaulis: Folklorinio velnio analizė. Vilnius, 1987.